

ПАЛЕОЭКОЛОГИЯ. КАМЕННЫЙ ВЕК

УДК 903.2

К.А. Колобова¹, А.И. Кривошапкин¹, А.П. Деревянко¹, У.И. Исламов²

¹Институт археологии и этнографии СО РАН

пр. Академика Лаврентьева, 17, Новосибирск, 630090, Россия

E-mail: kolobovak@yandex.ru

E-mail: shapkin@archaeology.nsc.ru

E-mail: derev@archaeology.nsc.ru

²Институт археологии АН Республики Узбекистан

ул. Академика В. Абдуллаева, 3, Самарканда, 140051, Узбекистан

E-mail: utkur_islamov@mail.ru

ВЕРХНЕПАЛЕОЛИТИЧЕСКАЯ СТОЯНКА ДОДЕКАТЫМ-2 (УЗБЕКИСТАН)*

Верхний палеолит на территории северо-запада Центральной Азии представлен неравномерно. Количество обнаруженных стоянок, относящихся к данному периоду, невелико, и в большинстве случаев это объекты с поверхностным залеганием каменных артефактов. Малочисленность верхнепалеолитических стоянок ряд исследователей объясняет депопуляцией, вероятно имевшей место в интервале 40–25 тыс. л.н. В результате работ археологической экспедиции ИАЭТ СО РАН, действующей в Узбекистане с 1998 г., стало возможным утверждать, что даже в условиях повышенной аридизации климата заселение древним человеком предгорных и среднегорных районов региона полностью не прекратилось. В статье подведен итог пятилетним исследованиям стоянки Додекатым-2, которые дают основание для изменения сложившихся представлений о верхнепалеолитической эпохе региона и позволяют по-новому взглянуть на культурные параллели между уже известными палеолитическими памятниками Узбекистана.

Ключевые слова: палеолит, Центральная Азия, стратиграфия, культура каменного века.

Введение

Несмотря на интенсивные археологические исследования второй половины XX в., верхний палеолит на территории северо-запада Центральной Азии изучен неравномерно [Ранов, Каримова, 2005; Vishnyatsky, 1999]. Верхнепалеолитических стоянок обнаружено немного, причем в большинстве случаев речь идет о статистически недостоверных выборках с местонахождений с поверхностным за-

леганием каменных артефактов [Davis, Ranov, 1999; Vishnyatsky, 1999]. Причину их малочисленности ряд исследователей видит в возможной депопуляции региона 40–25 тыс. л.н. Фиксируемая по палеоэкологическим данным значительная аридизация климата во второй половине верхнего неоплейстоцена могла привести к резкому уменьшению животных и растительных ресурсов на рассматриваемой территории и вследствие этого к сокращению популяций древних охотников и собирателей [Davis, Ranov, 1999; Ранов, 1972].

До настоящего времени вся верхнепалеолитическая эпоха столь обширной территории характеризовалась лишь на основании материалов двух стратифицированных памятников – Шугну в Восточном Таджикистане и Самаркандинской стоянки в Узбеки-

*Работа выполнена в рамках ГК № 02.740.11.0353 ФЦП «Научные и научно-педагогические кадры инновационной России», проекта программы РАН № 28.1.9 «Культура первобытного населения Северной Азии на рубеже среднего и верхнего палеолита» и проекта РФФИ № 11-06-12003 офи-м.

История открытия и место расположения стоянки

стане, – исследование которых проводилось в течение XX в. [Коробкова, Джуракулов, 2000; Джуракулов, 1987; Ранов, 1973]. Из-за недостаточности фактических данных были определены только общие черты этой эпохи в Средней Азии. Во-первых, главной особенностью верхнего палеолита региона, по мнению исследователей, является его мозаичность, препятствующая объединению стоянок в полноценные культуры и их дальнейшему культурно-хронологическому ранжированию. Единственное исключение – «самаркандская» культура, выделенная на основе материалов со стоянок Самаркандская, Сиабча и Ходжимозгиль [Ранов, Несмеянов, 1973; Коробкова, Джуракулов, 2000; Ранов, Каримова, 2005]. Во-вторых, несмотря на разрозненность данных, общей характеристикой всех верхнепалеолитических комплексов Средней Азии считалась их архаичность. Нуклеусы и орудия среднепалеолитических типов (прежде всего дисковидные нуклеусы, галечные варианты скребел и рубящих орудий) составляют, по мнению большинства исследователей середины и конца XX в., значительную, а то и большую часть технокомплексов [Ранов, 1966; Абрамова, 1984; Коробкова, Джуракулов, 2000]. В-третьих, постулировался непластичный характер индустрий верхнего палеолита и отмечались нетипичность, а чаще полное отсутствие орудий, выполненных на пластинках или микропластинах. Верхнепалеолитические комплексы региона соотносились преимущественно с индустриями Западной и Восточной Сибири, и именно в этом контексте строились гипотезы, объясняющие генезис верхнего палеолита Средней Азии [Абрамова, 1984; Коробкова, Джуракулов, 2000].

Изыскания международной археологической экспедиции ИАЭТ СО РАН, работающей в Узбекистане с 1998 г., показали, что, несмотря на повышенную аридизацию климата в finale верхнего неоплейстоцена, древний человек не покинул предгорные и среднегорные районы региона. После открытия ряда новых многослойных верхнепалеолитических местонахождений в Ташкентском оазисе, в частности Кызыл-Алма-2 [Колобова и др., 2010] и Додекатым-2 [Кривошапкин и др., 2005], и возобновления исследования ранее известных палеолитических памятников, прежде всего раскопок на стоянке Кульбулак [Деревянко и др., 2007], «верхнепалеолитическая лакуна» региона стала интенсивно заполняться.

Данная работа подводит итог пятилетнему изучению стоянки Додекатым-2. Результаты исследования вносят коррективы в сложившиеся представления о верхнепалеолитической эпохе региона и позволяют по-новому взглянуть на культурные параллели между уже известными палеолитическими памятниками Узбекистана.

В августе 2005 г. сотрудники Института археологии и этнографии СО РАН К.И. Милутин и В.С. Славинский провели разведочное обследование территории в среднем течении р. Пальтау (правый приток р. Чаткал, Ташкентская обл., Республика Узбекистан) (рис. 1, 1). В 10 км выше устья реки на правом ее берегу на субгоризонтальной террасовидной площадке, находящейся на высоте ок. 30 м над уровнем реки и ограниченной с двух сторон р. Пальтау и ее левым притоком (рис. 1, 2), в выемке полевой дороги были обнаружены два пункта с подъемным археологическим материалом, удаленные друг от друга на 140 м. Они получили общее название Додекатым, по господствующей в бассейне реки горной вершине, с цифровым обозначением 1 и 2 (рис. 1, 4). В местах концентрации подъемного материала в 2005 г. были заложены разведочные шурфы, врезанные в обращенный к левому притоку реки склон террасовидного уступа. Культурные остатки, обнаруженные при исследовании пункта Додекатым-1, были включены в один литологический слой, сильно перемещенный склоновыми процессами. Каменные артефакты представлены нуклеусами (демонстрирующими одноплощадочную пластинчатую и мелкопластичную параллельную стратегию утилизации), концевыми скребками на пластинках и отщепах, скребками с ретушью по периметру, фрагментами пластин и отщепами с ретушью [Кривошапкин и др., 2005]. Разведочный шурф площадью 6 м², заложенный на местонахождении Додекатым-2 (41°34'20,4" с.ш., 70°09'48,9" в.д., абсолютная высота 1 496 м), продемонстрировал наличие нескольких относительно ненарушенных культурных слоев, содержащих артефакты верхнепалеолитического облика [Там же]. Первоначально было выделено восемь уровней залегания культурных остатков, однако детальные планиграфические и стратиграфические наблюдения в ходе полевых исследований 2006–2007 гг. показали, что более обоснованно можно говорить о пяти культуросодержащих слоях, верхний из которых, включенный в дерново-почвенный горизонт, в значительной степени нарушен и содержит помимо палеолитических артефактов более позднего времени. В 2006 г. к разведочному шурфу прирезали раскоп площадью 9 м², где вскрыли первый смешанный горизонт (слой 1) и второй культуросодержащий слой. Тогда же для выявления нижележащих культурных отложений, уточнения стратиграфии и генезиса самого террасообразного уступа была заложена траншея, рассекающая борт террасовидной площадки до уровня долины. Культурных отложений, залегающих ниже археологического слоя 5, не обнаружено. Работы на раскопе 2006 г. продолжались в полевые сезоны 2007,

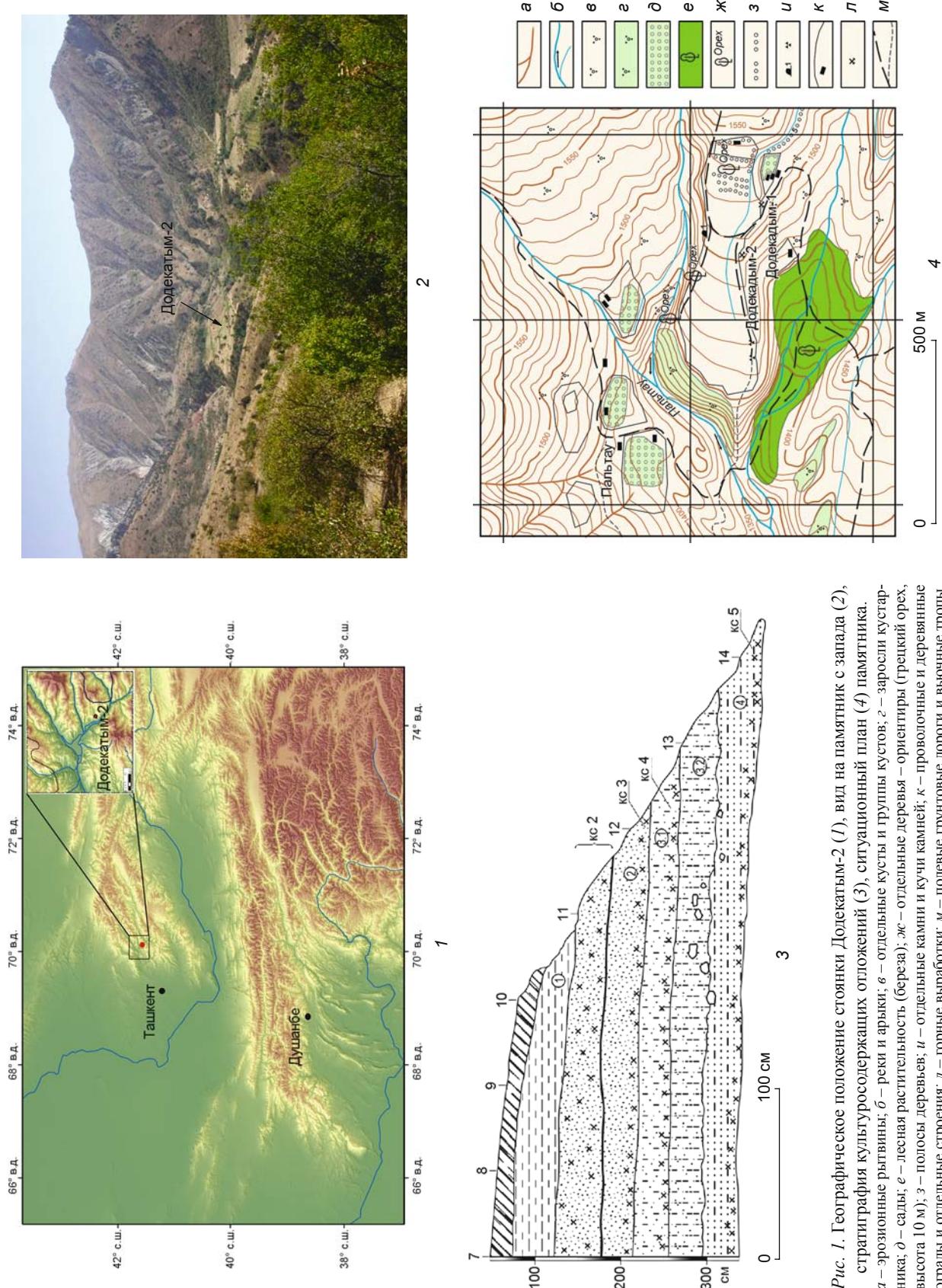

Рис. 1. Географическое положение стоянки Долгакаты-2 (1), вид на памятник с запада (2), стратиграфия культуро-седиментных отложений (3), ситуационный план (4) памятника.
 а – эрозионные рвы; б – реки и арыки; в – отдельные кусты и группы кустов; г – заросли кустарника; д – сады; е – лесная растительность (береза); ж – отдельные деревья – ориентиры (грецкий орех, высота 10 м); з – полосы деревьев; и – отдельные камни и кучи камней; к – проводочные и деревянные ограды и отдельные строения; л – горные выработки; м – полевые грунтовые дороги и вьючные тропы.

2008, 2010 гг. В результате были раскопаны все культурные слои (2–5) памятника. В данной статье анализируются археологические материалы, полученные при раскопках стоянки Додекатым-2 в 2005–2010 гг. (6 754 каменных артефакта).

Стратиграфия памятника

Стратиграфия стоянки Додекатым-2 (рис. 1, 3) обусловлена делювиально-пролювиальным генезисом предгорного шлейфа (террасовидного уступа). Его основу составляет крупное оползневое тело, в середине разреза ясно прослеживаются отложения древних периодических грязекаменных (селевых) потоков, а вверху – делювиальные и эоловые осадки, в которые и вмешены археологические слои. Раскопом вскрыты следующие стратиграфические отложения, содержащие культурные остатки (сверху вниз)*:

Слой 1. Светло-серый лессовидный суглинок эолового (с делювиальной составляющей) генезиса. Первичная текстура отложений в целом массивная, но из-за множества биотурбаций (ходы землеройных животных) имеет пятнистый облик. Кровля (современная почва) представляет собой прослой (0,2–0,3 м) светлого коричневато-серого суглинка, пронизанного корнями современных растений. В нижней половине слоя (особенно на контакте с подстилающими осадками) встречаются Ca-конкреции неправильных форм, а также многочисленные раковины гастропод. Подошва нечеткая, слабоволнистая, отложения плавно переходят в нижележащие, что говорит, возможно, о согласном залегании. Однако ходы землеройных животных редко проникают в более плотные отложения слоя 2, это может указывать на некоторый перерыв и смену условий седиментогенеза. Истинная мощность слоя 0,95–1,10 м. В отложениях встречаются каменные артефакты палеолитического облика и разновременная керамика (культурный слой 1), что свидетельствует об активном био- и антропогенном перемешивании слоя.

Слой 2. Плотный светло-коричневый суглинок с желтовато-серыми, темно-серыми, иногда черно-серыми пятнами. Темный оттенок обусловлен обогащением осадков гумусовым веществом и золой, линзы которой имеют длину от 10 до 20 см и истинную мощность до 1,5 см. В средней части слоя четко прослеживается уровень окислов Fe в виде рыже-черной полосы (истинная мощность до 3 см), падающей по азимуту 260–300°. В отложениях встречаются остатки гастропод и млекопитающих. Отмечены редкие ходы землеройных животных. В подошве слоя встречаются окатыши Ca-конкреций, дресва и мелкий (до 3 см) щебень, а непосредственно на поверхности напла-

тования с отложениями слоя 3 – сильно выветренные полуокатанные плоские гальки, крупный щебень и валуны серого гранита. Контакт слоев слегка размыт, однако свидетельств значительного перерыва осадконакопления не наблюдается. Генезис отложений, вероятно, пролювиально-делювиальный. Пористость практически отсутствует, что говорит и о некоторой водной переработке осадков (возможно, с высокой ролью эолового накопления). Истинная мощность слоя от 0,3 до 0,5 м. В нем содержатся два археологических уровня – слой 2 (верхняя часть стратиграфического подразделения) и 3 (подошва).

Слой 3. Состоит из двух прослоев. Первый представляет собой светлый желтовато-серый (во влажном состоянии желто-коричневый с рыжим оттенком из-за окислов Fe) плотный суглинок, в нижней части заметен зеленоватый или голубоватый оттенок. Текстура массивная, пористость минимальная. Генезис, вероятно, пролювиально(?)–делювиальный, с определенной долей эолового материала. Истинная мощность прослоя от 0,15 (западная стенка раскопа) до 0,40 м (восточная стенка), разница обусловлена, возможно, размывом кровли. Подошва нечеткая, неясная, но субгоризонтальная, отложения плавно переходят в нижележащие. На контакте с нижним прослойем зафиксированы редкие дресва и щебень гранита. К подошве прослоя приурочено залегание археологического слоя 4. Второй прослой представляет собой светло-коричневый (во влажном состоянии темный зеленовато-коричневый) плотный суглинок, в самом низу отложения приобретают темно-серый цвет со слабым зеленоватым оттенком. Текстура массивная. В нижней половине прослоя нередки дресва и мелкий щебень гранита. Сортировка отсутствует, что может указывать на пролювиальный или коллювиальный генезис, возможно, с определенной ролью делювиальных процессов. Истинная мощность прослоя в восточной части раскопа 0,4 м, в центре – 0,5, в западной части – 0,7 м. Увеличение мощности происходит из-за снижения уровня подошвы. Последняя весьма неровная, с западинами. Отложения, вероятно, с перерывом перекрывают подстилающие. В археологическом отношении данный прослой стерilen.

Слой 4. В основном это пролювиальные отложения, но местами (особенно в кровле) представлены прослои делювиального генезиса с примесью осыпного и обвального материала (в зоне тылового шва оползня, составляющего основу террасовидного уступа). В кровле слоя дресва и мелкий щебень гранита. Ниже залегает очень неровный прослой (истинная мощность 0,2–0,4 м) темной серо-коричневой глины с большой примесью грубозернистого песка, дресвы и мелкого щебня гранита. Его подстилают слойчатые слабосортированные отложения, представленные пестрыми прослойями, линзами и слойками, состоящими из плохо окатанных обломков гранита (до 0,05–0,10 м). Заполнителем вы-

*Описание выполнено С.В. Лещинским.

ступает разнозернистый неокатанный песок и в меньшей степени светло-коричневый (в сухом состоянии) суглинок. Среди обломков встречается темный серо-зеленый среднезернистый песчаник. Истинная мощность прослоев со щебнем до 0,2 м (доля таких прослоев до 20%). Основная масса слоя состоит из светло-коричневых, розовато-коричневых и светло-серых (со слабым зеленоватым оттенком) прослоев существенно песчано-глинистого состава (мощность 0,05–0,20 м), в которых большой объем занимают окатыши глин и суглинков (до 1 см). Сортировка материала внутри прослоев плохая, но поверхности напластований диагностируются уверенно. Видимая мощность всего слоя по стенке раскопа составляет 1,55–1,80 м. Нижняя его часть содержит культурный слой 5.

Каменный инвентарь

Сырьевой базой индустрии стоянки примерно в равной степени служили как местные (кремень по известняку, окременные брекчии), так и приносные (кремень, халцедон, песчаники, кварциты, кварц, диабаз из бассейна р. Чаткал, расстояние ок. 10–15 км) материалы (определение Н.А. Кулик). Наиболее массово использовались кремень (местный и приносной), халцедон, песчаники и кварциты.

Описание каменного инвентаря приводится согласно выделенным пятью культуросодержащим слоям, начиная с нижнего. В категорию отходов производства включены обломки, осколки, чешуйки и мелкие отщепы (менее 2 см в наибольшем измерении); при расчетах процентного соотношения артефактов

фактов внутри слоев они не учитывались. Мы решили отказаться от распространенного в русскоязычной литературе деления мелких пластинчатых заготовок на пластинки (ширина от 6 до 12 мм) и микропластины (ширина до 6 мм) [Абрамова, 1979а, б]. На наш взгляд, подобное разграничение имеет смысл для индустрий с выраженной дифференциацией производства мелких заготовок на уровне как первичного расщепления (различные типы нуклеусов и техники расщепления), так и вторичной отделки (например, «мелкопластинчатые» и «микропластинчатые» варианты верхнепалеолитических комплексов Северо-Восточной Азии [Лисицын, 2000; Акимова, Стасюк, Мотузко, 2005]). В материалах всех слоев местонахождения Додекатым-2 мелкие пластинки и микропластины изготовлены по одной и той же технологической схеме. Зачастую длина и ширина заготовок зависели лишь от степени сработанности нуклеуса. Более того, анализ характера вторичной обработки и типов оформляемых на пластинках и микропластинах орудий не выявил принципиальных различий, обусловленных метрическими ограничениями. При описании каменного инвентаря мелкие пластинки и микропластины объединены в одну категорию – «пластинки» (bladelet, lamelle), т.е. сколы, длина которых больше ширины в 2 раза и более, а ширина не превышает 12 мм [Leroi-Gourhan, 1997, p. 627]. Тем не менее название «микропластина» используется нами с целью подчеркнуть миниатюрность ряда изделий и стандартизацию вторичной отделки, не зависящую от размеров скола.

Индустрия культурного слоя 5. Всего обнаружено 357 каменных артефактов, из которых 177 – от-

Таблица 1. Распределение каменных артефактов по слоям

Категория первичного расщепления	Слой 2		Слой 3		Слой 4		Слой 5	
	Кол-во	%	Кол-во	%	Кол-во	%	Кол-во	%
Нуклевидные изделия*	31	4,0	3	1,8	28	6,0	20	11,1
Технические сколы*	56	7,2	2	1,2	50	10,7	11	6,1
Остроконечники*	8	1,0	–	0,0	–	0,0	1	0,6
Отщепы*	205	26,5	60	36,6	144	30,8	59	32,8
Пластинчатые отщепы*	43	5,5	9	5,5	31	6,6	7	3,9
Пластины*	111	14,3	27	16,5	39	8,3	22	12,2
Пластинки*	321	41,4	63	38,4	176	37,6	60	33,3
<i>Итого</i>		775	26,4	164	21,4	468	17,4	180
(без отходов производства)**								50,4
Отходы производства (обломки, осколки, чешуйки)**	2 161	73,6	601	78,6	2 229	82,6	177	49,6
<i>Всего</i>		2 936	100,0	765	100,0	2 697	100,0	357
100,0								

*Указан процент от количества артефактов из слоя без отходов производства.

**Указан процент от общего числа артефактов из слоя.

ходы производства (табл. 1). Стратегии первичного расщепления были направлены преимущественно на получение разноразмерных пластинчатых заготовок с призматических и торцевых нуклеусов.

Нуклевидные изделия включают нуклевидные обломки и типологически выраженные нуклеусы (табл. 2). Торцевой принцип расщепления использовался для производства как пластин, так и пластинок (рис. 2, 12). Комбинаторный (сочетание плоскостного и торцевого) представлен одним нуклеусом. Среди ядрищ, демонстрирующих призматический принцип расщепления, наибольшую серию составляют каренонидные нуклеусы на массивных сколах поперечной системы снятий с широким фронтом (рис. 2, 3, 4, 5).

Заготовки снимались с неподготовленной ударной площадки наentralной плоскости сколов таким образом, что полезный объем ядрища истощался между вентральной и дорсальной плоскостями. Фронт расщепления оформлялся широким, выпуклым, подковообразным в плане. В результате получаемые заготовки имели четырехугольную форму, часто со слегка закругленным дистальным окончанием с изогнутым либо пропеллерообразным профилем. Лишь у одного нуклеуса (рис. 2, 6) использовались две ударные площадки (вентральная плоскость первоначальной массивной заготовки и противолежащая плоскость естественного разлома); снятие заготовок производилось во встречном направлении, но в разных плоскостях. Сня-

Таблица 2. Распределение нуклеусов по слоям

Тип	Слой 2		Слой 3		Слой 4		Слой 5	
	Кол-во	%	Кол-во	%	Кол-во	%	Кол-во	%
Плоскостное расщепление*	4	18,2	—	—	2	10,5	1	10,0
Одноплощадочный монофронтальный для отщепов	1	—	—	—	—	—	—	—
Одноплощадочный монофронтальный для пластин	1	—	—	—	—	—	1	—
Одноплощадочный бифронтальный для отщепов	1	—	—	—	—	—	—	—
Двухплощадочный монофронтальный для пластин	1	—	—	—	1	—	—	—
Двухплощадочный монофронтальный для отщепов	—	—	—	—	1	—	—	—
Торцевое расщепление*	3	13,6	—	—	8	42,1	2	20,0
Одноплощадочный монофронтальный для пластинок	3	—	—	—	4	—	2	—
Одноплощадочный бифронтальный для пластинок	—	—	—	—	1	—	—	—
Клиновидный для пластинок	—	—	—	—	3	—	—	—
Комбинаторные нуклеусы*	—	—	—	—	—	—	1	10,0
Призматическое расщепление*	15	68,2	1	100,0	9	47,4	9	60,0
Одноплощадочный для отщепов	3	—	—	—	—	—	—	—
Одноплощадочный для пластин	2	—	1	—	3	—	2	—
Одноплощадочный для пластинок	5	—	—	—	2	—	—	—
Двухплощадочный для пластин	—	—	—	—	1	—	—	—
Конусовидный для пластинок	2	—	—	—	—	—	—	—
Каренонидный для пластинок	3	—	—	—	3	—	7	—
<i>Итого</i>								
(типологически выраженных)**		22	68,7	1	33,3	19	59,1	13
Истощенные нуклеусы**		3	9,4	—	—	5	22,7	—
Нуклевидные обломки**		7	21,9	2	66,7	4	18,2	7
<i>Всего</i>		32	100,0	3	100,0	28	100,0	20
100,0								

*Указан процент от количества типологически выраженных нуклеусов из слоя.

**Указан процент от общего числа нуклевидных изделий из слоя.

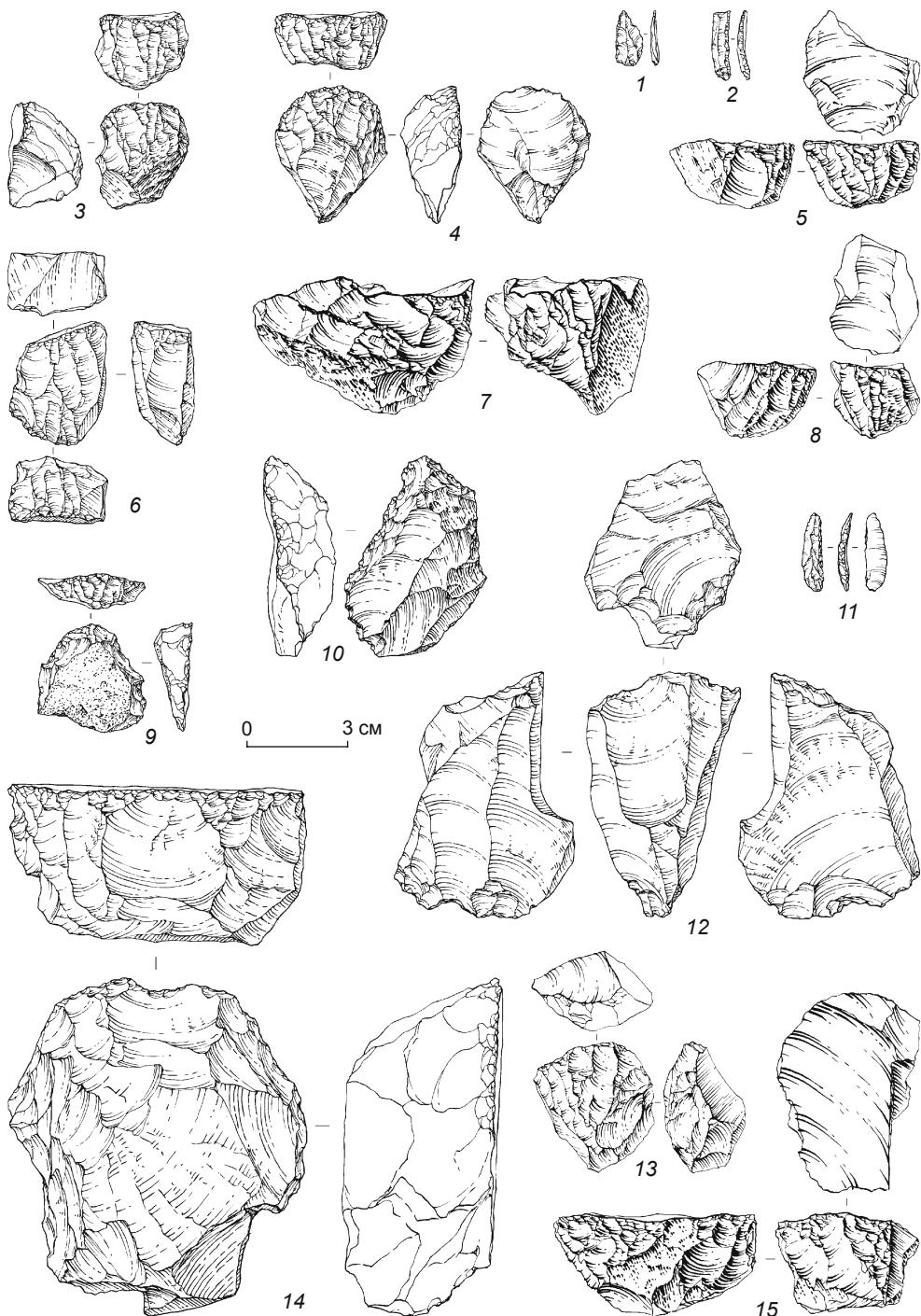

Рис. 2. Каменный инвентарь из культурных слоев 5 (3–15) и 4 (1, 2).

тые с первой площадки пластинки имели изогнутый профиль, а со второй – прямой. Интересны кареноидные нуклеусы с узким фронтом, который создавался и поддерживался латеральными снятиями (рис. 2, 7, 8). Проведенный трасологический анализ* показал пол-

ное отсутствие каких-либо следов использования этих изделий в качестве орудий, лишь одно из них было переоформлено впоследствии в скребло (рис. 2, 15). Близкую к вышеописанной категории ядрищ позицию занимают одноплощадочные призматические нуклеусы для получения пластин (2 экз.), напоминающие скребла типа «рабо» (рис. 2, 14) [Leroi-Gourhan, 1997, р. 919]. В коллекции представлен один плоскостной

*Трасологический анализ артефактов со стоянки выполнен Е.Ю. Гиря.

нуклеус, с единственной ударной площадки которого конвергентно снимали сколы с параметрами пластиночек (рис. 2, 13).

Технические сколы (11 экз.) характеризуют преимущественно первоначальный этап раскалывания отдельностей сырья (краевые сколы), два экземпляра относятся к редукционной стадии подживления фронта скальвания, один скол получен в результате латеральной подправки кареноидного нуклеуса.

Доля пластинчатых сколов (пластины и пластинки) составляет 49,4 %, а сколов с пропорциями отщепов – 32,8 %.

Орудийный набор насчитывает 13 экз. (табл. 3). Микроинвентарь представлен пластинками с притупленным краем (рис. 2, 11) и с ретушью функционального происхождения.

Из имеющихся в коллекции двух скребел одно продольное прямое одинарное (рис. 2, 10), другое – одинарное продольно-выпуклое (рис. 2, 15). У концевого скребка рабочее лезвие оформлено дорсальной крутой субпараллельной ретушью (рис. 2, 9).

Типологически невыраженные орудия представлены пластинами с ретушью (5 экз.) и отщепом с ретушью утилизации.

Индустрия культурного слоя 4. Коллекция насчитывает 2 697 каменных артефактов, из них 2 229 – отходы производства (см. табл. 1).

Нуклевидные изделия (см. табл. 2) представлены нуклевидными обломками, истощенными ядрищами и типологически выраженным нуклеусами. Плоскостной принцип расщепления в параллельной системе скальвания использовался для получения как отщепов

Таблица 3. Распределение орудий по слоям

Тип	Слой 2		Слой 3		Слой 4		Слой 5		
	Кол-во	%	Кол-во	%	Кол-во	%	Кол-во	%	
Скребло	–	–	–	–	1	1,1	2	15,4	
Зубчатое орудие	–	–	–	–	1	1,1	–	–	
Резец	2	1,7	–	–	1	1,1	–	–	
Шиловидное орудие	5	4,2	1	3,0	4	4,6	–	–	
Нож	–	–	2	6,1	–	–	–	–	
Скребок	9	7,5	2	6,1	14	16,1	1	7,7	
Проколка	9	7,5	–	–	7	8,0	–	–	
Долотовидное орудие	5	4,2	4	12,1	7	8,0	–	–	
Комбинированное орудие (скребок-долото)	–	–	1	3,0	2	2,3	–	–	
Остроконечник с базальной выемкой	1	0,8	–	–	–	–	–	–	
Отщеп с ретушью	5	4,2	4	12,1	7	8,0	1	7,7	
Пластина с ретушью	11	9,2	5	15,2	6	6,9	5	38,5	
Чоппер	–	–	1	3,0	–	–	–	–	
Микроинвентарь	73	60,8	13	39,4	34	39,1	4	30,8	
Микроострие	7	–	–	–	2	–	–	–	
Треугольный микролит	29	–	3	–	1	–	–	–	
Сегмент	1	–	–	–	–	–	–	–	
Трехгранный микролит	–	–	1	–	–	–	–	–	
Пластинки и микропластины с притупленным краем	28	–	1	–	2	–	3	–	
Пластинки и микропластины с ретушью	1	–	3	–	9	–	1	–	
Пластинки и микропластины с утилизационной ретушью	7	–	4	–	16	–	–	–	
Пластинки с ретушью и подтеской основания	–	–	1	–	4	–	–	–	
Тронированный скол	–	–	–	–	2	2,3	–	–	
Обломок орудия	–	–	–	–	1	1,1	–	–	
	Всего	120	100,0	33	100,0	87	100,0	13	100,0

пов, так и мелкопластинчатых заготовок. Все торцовые нуклеусы – одноплощадочные монофронтальные и бифронтальный, клиновидные (рис. 3, 26) – служили для производства пластинок. Призматический

принцип расщепления представлен одно- и двухплощадочными ядрищами для снятия пластин, одноплощадочными для получения пластинок и каренойдными нуклеусами (рис. 3, 23, 25).

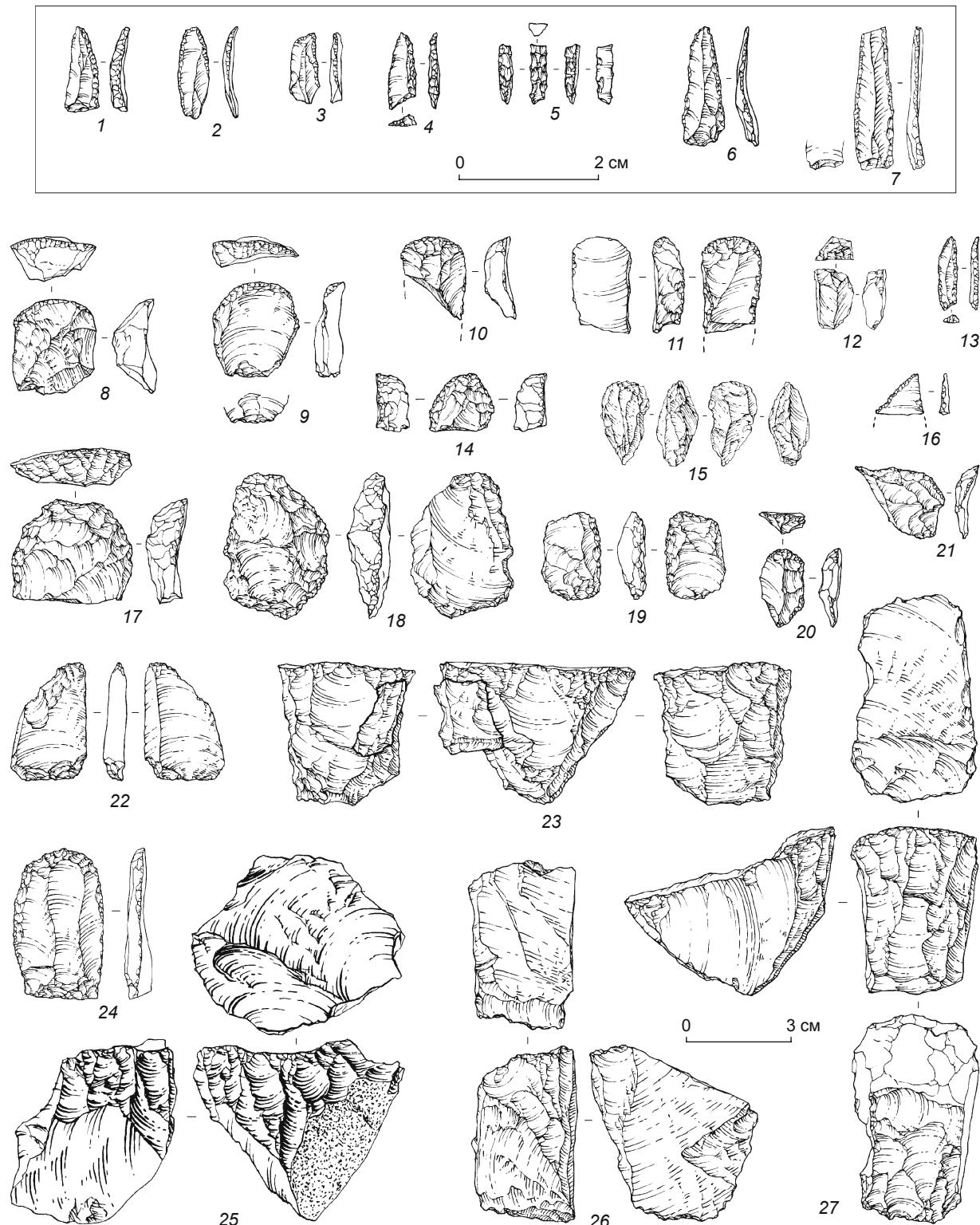

Рис. 3. Каменный инвентарь из культурных слоев 4 (1–3, 8–12, 14–19, 21–26), 3 (4–7, 13, 20) и 2 (27).

Доля пластинчатых заготовок составляет 52,6 %, отщепов – 30,8 %.

Большинство технических сколов краевые, однако имеются реберчатые и полуреберчатые, а также два скола подправки ударной площадки («таблетки»).

Орудийный набор (см. табл. 3) насчитывает 87 экз.

Наиболее важными его компонентами являются изделия, относящиеся к микроинвентарю, скребки и долотовидные орудия. В группе микроинвентаря наиболее интересной находкой является треугольный микролит (рис. 3, 1), оформленный на притупленной по правому продольному краю микропластине. Основание диагонально тронкировано. Необработанный длинный край имеет следы утилизации. В коллекции представлены также микроострия, выполненные на притупленных микропластинах (см. рис. 2, 1), пластинки с притупленным краем (см. рис. 2, 2), пластинки и микропластины с ретушью (см. рис. 3, 2), бигродольно ретушированные пластинки с подтесанным основанием. Помимо преднамеренно оформленных орудий, в коллекции микроизделий имеются и пластинки с ретушью утилизации.

Большинство скребков (11 экз.) концевые (см. рис. 3, 8–12, 24), один с шипом (см. рис. 3, 17) и два ногтевидные, один из которых типологически может быть определен как скребок высокой формы (см. рис. 3, 14). Комбинированные орудия сочетают рабочие лезвия скребка и долота. Выделенное в коллекции одинарное продольно-выпуклое скребло (см. рис. 3, 18) также имеет долотовидное лезвие, созданное в дистальной части заготовки. Долотовидные орудия изготовлены преимущественно из отщепов и обломков кварца и горного хрусталя. Четыре из них однолезвийные (см. рис. 3, 19, 22), три двулезвийные (см. рис. 3, 15). Проколки (см. рис. 3, 3, 21) могут быть подразделены на две категории: с рабочим элементом, заданным в процессе первичного расщепления (2 экз.), и с острием, оформленным модифицирующей ретушью (5 экз.). У массивных шиповидных орудий рабочие элементы созданы ретушированием углов между плоскостью поперечного слома скола-заготовки и его продольным краем. В коллекции представлены также тронкированные сколы (пластина и пластинка), двойной многофасеточный угловой резец и зубчатое изделие.

Типологически невыраженные орудия включают пластины с ретушью (2 экз.), пластины и отщепы с ретушью утилизации (соответственно 4 и 7 экз.). Имеется также обломок орудия неясной типологии (см. рис. 3, 16).

Индустрия культурного слоя 3. Всего найдено 765 каменных артефактов, большинство из которых (601 экз.) составляют отходы производства (см. табл. 1).

Нуклевидные изделия (см. табл. 2) представлены нуклевидными обломками и единственным типологически выраженным нуклеусом призматического

принципа расщепления. Одноплощадочное ядро было предназначено для получения пластин и пластинчатых отщепов с ударной площадки, созданной на поверхности естественного разлома отдельности сырья.

Доля пластинчатых заготовок составляет 60,4 %, отщепов – 36,6 %.

Все имеющиеся в коллекции технические сколы краевые.

Орудийный набор (см. табл. 3) насчитывает 33 экз. К микроинвентарю отнесено 13 орудий. Наиболее интересны треугольные микролиты (см. рис. 3, 4, 13), изготовленные из дистальных фрагментов мелких пластинок и микропластин, тронкированных под тупым углом к правому продольному краю, который притуплен отвесной постоянной сильномодифицирующей дорсальной ретушью. Противоположный край несет следы немодифицирующей ретуши утилизации. Среди других категорий микроинвентаря выделяется фрагмент трехгранного микролита (см. рис. 3, 5), созданного крутым ретушированием обоих продольных краев. Представлены также пластинки с ретушью (см. рис. 3, 6), с притупленным краем, с ретушью утилизации и пластинка с ретушью продольных краев и базальной подтеской (см. рис. 3, 7).

Долотовидные орудия оформлены на отдельностях горного хрусталя (3 экз.) и окремненного известняка (1 экз.). Все они однолезвийные, рабочие лезвия созданы при помощи сколов подтески и бифасиальной ретуши. Скребки представлены концевой (см. рис. 3, 20) и боковой (рис. 4, 4) разновидностями. В базальной части последнего изделия фиксируются следы утончающейся вентральной подтески. У ножей в качестве обушка выступают остаточные гладкие ударные площадки, а рабочие лезвия (продольный край заготовки) подправлены дорсальной чешуйчатой ретушью. Комбинированное орудие имеет скребковое рабочее лезвие, оформленное в дистальной части заготовки, и два долотовидных, которые расположены напротив друг друга на продольных краях. Единичными экземплярами представлены шиповидное орудие и чоппер, выполненный крутой обивкой на плоской гальке.

Типологически невыраженные орудия включают отщепы (4 экз.) и пластины (5 экз.) с ретушью, преимущественно утилизационного характера.

Индустрия культурного слоя 2. Эта коллекция наиболее многочисленна – 2 936 каменных артефактов, из них к отходам производства отнесен 2 161 (см. табл. 1).

Нуклевидные изделия (см. табл. 2) включают 22 типологически выраженных ядра. Доминируют нуклеусы призматического принципа расщепления: одноплощадочные, у которых фронт скальвания занимает 3/4 периметра заготовки (рис. 5, 29), для получения отщепов; с фронтом, занимающим весь

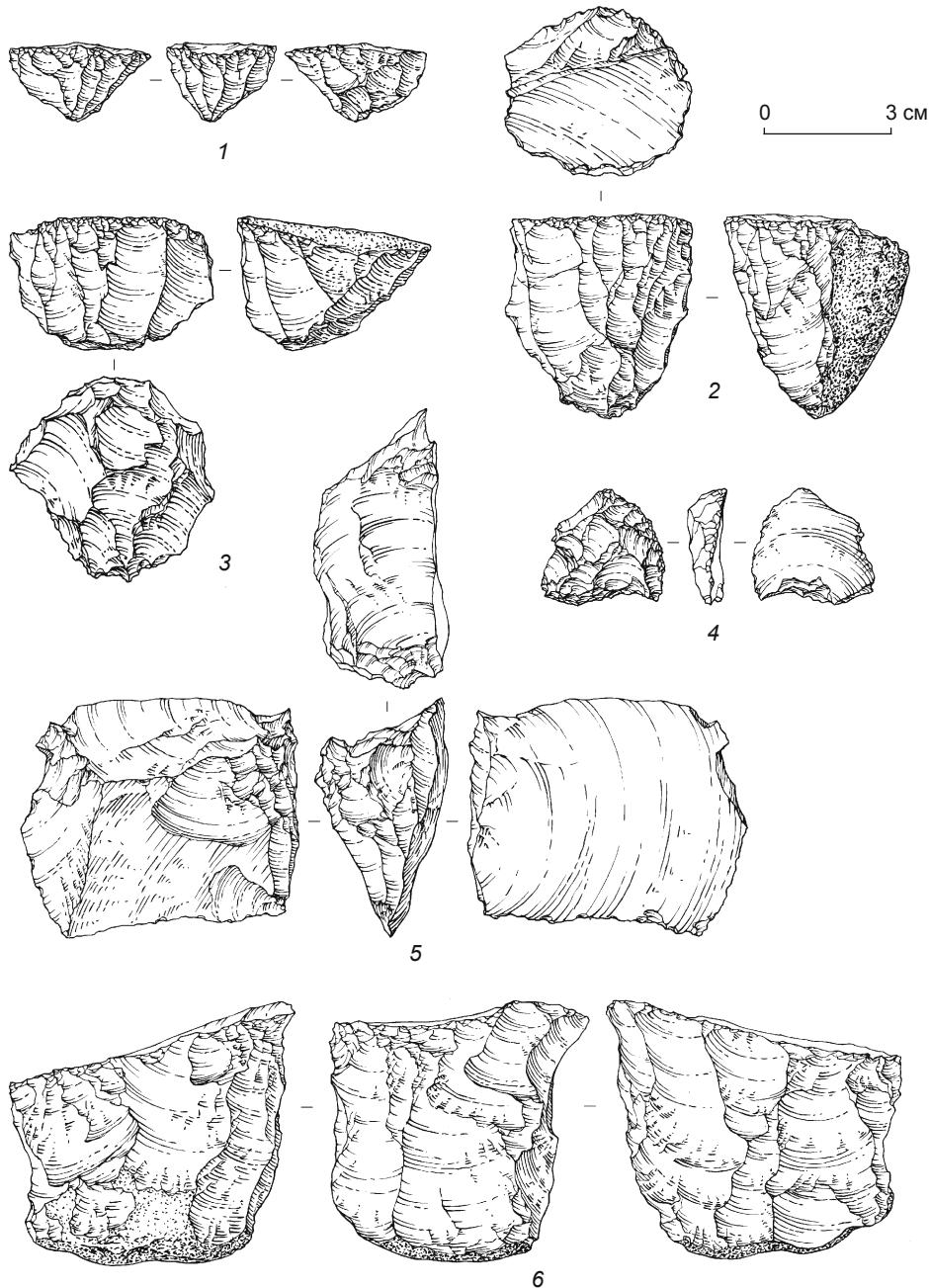

Рис. 4. Каменные артефакты из культурных слоев 3 (4) и 2 (1–3, 5, 6).

периметр (см. рис. 4, 3, 6), для снятия пластин и с фронтом, занимающим 1/2 периметра (см. рис. 5, 31), для производства пластинок и микропластин; конусовидные ядрища для получения пластинок и микропластин (см. рис. 4, 1, 2); кареноидные бифронтальные (см. рис. 3, 27) из заготовок ладьевидной в профиле формы; нуклеус-скребок (см. рис. 5, 22), у которого фронт скальвания занимает весь периметр. Плоскостной принцип расщепления представлен одноплощадочными монофронтальными ядрищами для получения отщепов и пластин, одноплощадочным бифронталь-

ным для производства отщепов и двуплощадочным монофронтальным для снятия пластин. Торцовые нуклеусы одноплощадочные монофронтальные (см. рис. 4, 5), оформлены на крупной пластине и массивных отщепах. Фронтом скальвания в двух случаях служили большие остаточные ударные площадки сколов-заготовок, что задавало им клиновидную форму.

Доля пластинчатых заготовок составляет 61,3 %, отщепов – 26,5 %.

Достаточно высок процент технических сколов, большинство из которых краевые. Присутствуют так-

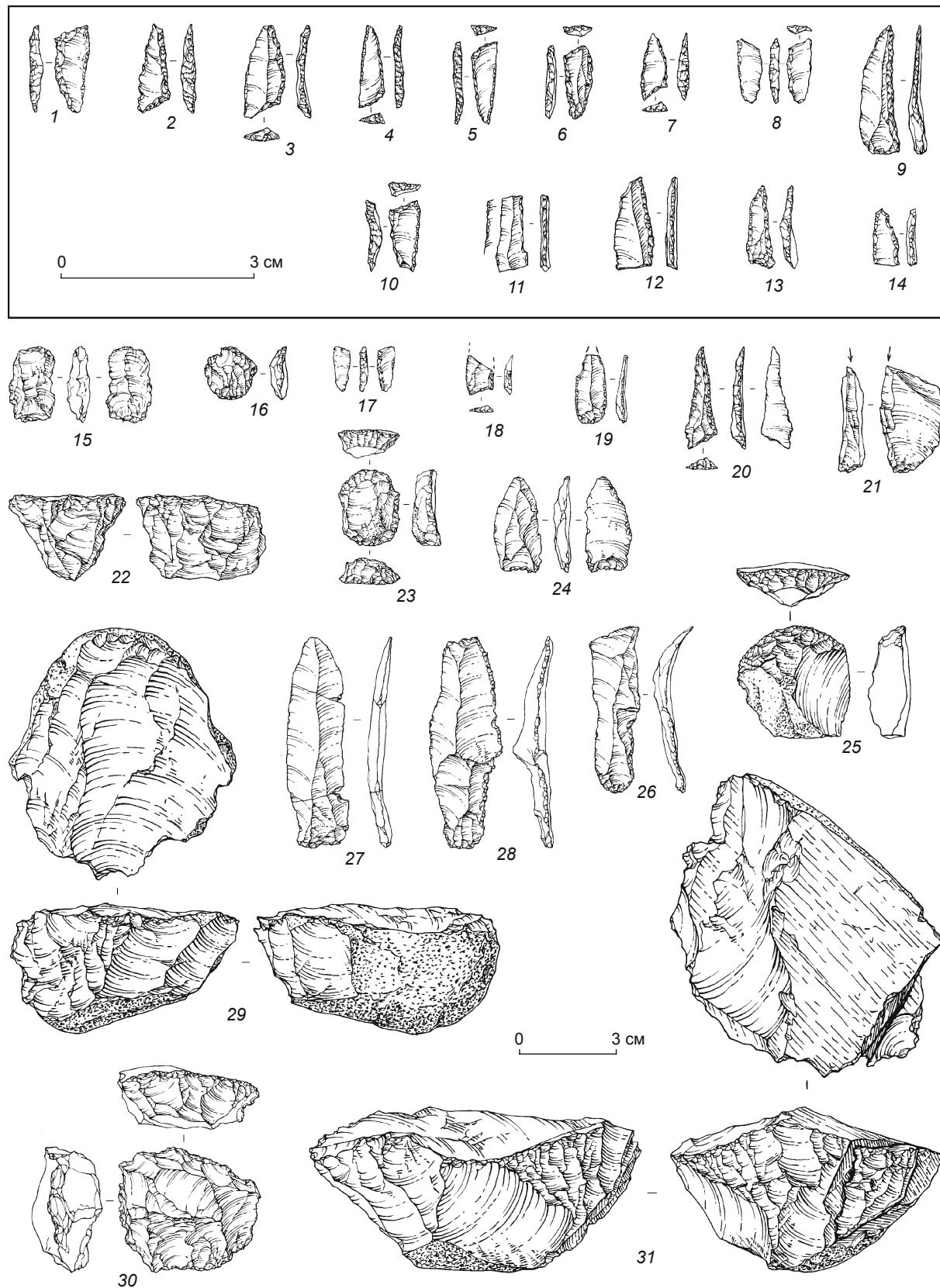

Рис. 5. Каменный инвентарь из культурного слоя 2.

же полуреберчатые (8 экз.) и реберчатая пластины, сколы подправки ударных площадок, в т.ч. «таблетки» (5 экз.).

Орудийный набор включает 120 изделий (см. табл. 3). Большинство орудий относится к микроинвентарю. Среди них доминируют треугольные микролиты: 19 целых (см. рис. 5, 1–8, 10) и 10 фрагментированных (см. рис. 5, 17, 18). Обращает на себя внимание высокая степень стандартизации этих орудий. Они одинаковы по размеру, выполнены на дистальных фрагментах микропластин с конвергентными в дистальной части продольными краями, правый обработан постоянной дорсальной отвесной сильномодифицирующей параллельной ретушью. Пластиинки тронкированы под тупым углом к этому краю, и лишь одна – под прямым. Противоположный длинный край заготовок имеет следы очень мелких разреженных дорсальных слабомодифицирующих фасеток ретуши утилизации. Трасологический анализ показал, что эти изделия использовались в качестве вкладышей пазовых орудий. Столь же многочисленная категория орудий – пластиинки с притупленным краем (см. рис. 5, 9, 11, 12). Меньшую серию составляют микроострия (см. рис. 5, 13, 14), оформленные модифицирующей вторичной подправкой на дистальных фрагментах микропластин. Единичными экземплярами представлены ретушированная пластиинка (см. рис. 5, 19) и сегмент из треугольной в поперечном сечении пластиинки. Форму последнему придает постоянная дорсальная ретушь на одном из продольных краев, плавно переходящая на плоскость поперечного излома заготовки. Трасологический анализ показал, что сегмент использовался в качестве вкладыша пазового орудия. Остальные микроизделия – пластиинки и микропластины с ретушью утилизации.

Вторую по многочисленности категорию орудийного набора составляют пластины с ретушью (см. рис. 5, 26–28). Заметную роль играют проколки, среди которых выделяется одно орудие, оформленное на треугольной в поперечном сечении пластиинке (см. рис. 5, 20). Изделие представляет собой неравносторонний треугольник, короткая сторона которого образована поперечным тронкированием заготовки под тупым углом к длинному краю, обработанному дорсальной отвесной постоянной сильномодифицирующей ретушью, а другой длинный край несет следы прерывистой немодифицирующей разноразмерной утилизационной ретуши. Как морфологически, так и по типу вторичной отделки данное изделие аналогично треугольным микролитам, однако значительно превосходит их по размерам (длина орудия 32 мм). Трасологический анализ показал, что этим орудием прокалывали шкуры, причем использовались оба острых конца изделия. Среди скребков наиболее многочисленны концевые (см. рис. 5, 23, 25). Единичными экземплярами представлены боковой и скребок высокой формы с небольшим шипом,

оформленным на углу пересечения продольного края с дистальной частью заготовки (см. рис. 5, 30). Трасологический анализ показал, что последнее орудие использовалось для обработки дерева. Один из имеющихся в коллекции ногтевидных скребков (см. рис. 5, 16) был выполнен из горного хрусталя. Долготвидные орудия подразделяются на три типа, различающиеся количеством лезвий, характером вторичной отделки и размерами: однолезвийные (3 экз.), двулезвийное (см. рис. 5, 15) и однолезвийное микродолготвидное. В коллекции имеются также шиловидные изделия и угловые многофасеточные резцы (см. рис. 5, 21). Уникальный для верхнепалеолитических комплексов региона тип орудия представлен остроконечником с базальной выемкой. Он оформлен на мелком удлиненном остроконечном сколе с конвергентной огранкой дорсальной поверхности. Оба продольных края несут разрозненные фасетки функциональной ретуши. Базальная часть заготовки подверглась интенсивной подработке центральной модифицирующей чешуйчатой подтеской, в результате чего образовалась выемка (см. рис. 5, 24). Учитывая морфологию и размер орудия, можно предположить, что оно служило наконечником легкого метательного оружия типа дротика. Немногочисленные отщепы с ретушью представляют собой неформальные орудия, имеющие лишь фасетки эпизодической утилизационной ретуши.

Индустрия культурного слоя 1. Коллекция немногочисленна и рассматривается нами как смешанный материал, объединяющий в себе как палеолитические артефакты, так и предметы гораздо более позднего времени. Причины смешения культурных остатков – продолжительная сельскохозяйственная деятельность (глубокая вспашка) и активность грызунов.

Значительную часть коллекции составляют фрагменты керамики (14 экз.) печного обжига. Сосуды были сформированы на гончарном круге. Точная культурная и хронологическая привязка данного материала затруднительна, поскольку подобные способы изготовления керамических изделий практиковались в изучаемом регионе с раннего железного века вплоть до средневековья.

Каменные артефакты (37 экз.) имеют палеолитический облик и близки к обнаруженным в нижележащих культурных слоях. Первичное расщепление представлено галькой со следами утилизации, отщепами (13 экз.), краевыми сколами (4 экз.), пластииной и чешуйками (18 экз.); орудия – двумя концевыми скребками, оформленными на небольших отщепах.

Функциональный характер стоянки

Основываясь на стратиграфических наблюдениях, можно сделать следующие выводы: 1) археологический

слой 1 является смешанным, содержащим верхнепалеолитические артефакты и культурные остатки более позднего времени, в силу антропогенной деятельности и активности землероев; 2) культурные слои 2–4 находятся в относительно ненарушенном состоянии, что подтверждается также планиграфическими наблюдениями, данными технико-типологического и аппликационного анализа; при этом слой 2 объединяет в себе материальные остатки нескольких достаточно продолжительных периодов заселения стоянки, а слои 3 и 4 отражают, видимо, краткие эпизоды присутствия древнего человека; 3) каменные артефакты, относящиеся к культурному слою 5, по всей видимости, подверглись как горизонтальному, так и вертикальному смещению, тем не менее они принадлежат к одному эпизоду/периоду функционирования стоянки, о чем свидетельствуют также результаты технико-типологического анализа и наличие апплицируемых изделий.

Принимая во внимание геоморфологические данные по изучаемому району (узкая горная долина с резкими и глубокими врезами), можно сделать вывод о том, что геометрия обжигаемой площадки и ее гипсометрическое положение по отношению к базису ручья значительно изменились во времени. Соответственно, вскрытые раскопом участки археологических слоев могли представлять собой функционально различные зоны обжигаемой древним человеком поверхности, пространственная организация которых во время каждого эпизода обитания определялась существовавшими на тот момент границами и относительной высотой площадки.

С целью определения функциональной специфики отдельных культурных подразделений памятника был проведен анализ технокомплексов, включающий изучение структуры орудийного набора и эффективности деятельности по расщеплению нуклеусов и производству орудий по методике, представленной в работе Е.П. Рыбина и К.А. Колобовой [2005]. Для характеристики структуры орудийного набора мы разделили его на две группы: формальные и неформальные орудия. К первой отнесены изделия, подвергшиеся значительным изменениям при оформлении или использовании и обладающие специфическими чертами подготовки орудия либо аккомодации. Артефакты, которые претерпели минимальные изменения при оформлении или использовании, не имеют специфичных морфологических признаков и не образуют устойчивых серий, определены как неформальные. Для отнесения изделия к той или иной группе его типологическая принадлежность не имеет большого значения, в данном исследовании применялся подход, учитывающий специфику вторичной обработки конкретной вещи. Определялись однородность/неоднородность и интенсивность такой обработки: степень модифицирования ретушью поверхности заготовки, протяженность ретуши. В результате было выявлено преобладание в ин-

дустриях стоянки Додекатым-2 формальных орудий, доля которых варьирует от 54 % в слое 5 до 65,7 % в слое 2. При этом большая часть изделий обработана при помощи сильно- и среднемодифицирующей ретуши (от 57,1 до 68 %), многие несут на своих поверхностях более одного элемента вторичной обработки (от 30 до 47,5 %). Таким образом, можно заключить, что заготовки модифицировались достаточно сильно. Орудия часто служили для нескольких целей. Данные факты говорят об интенсивном использовании каменного сырья и о его возможной транспортировке из относительно удаленных источников.

Для оценки эффективности деятельности по расщеплению нуклеусов и производству орудий нами использовались следующие критерии: число орудий, приходящихся на одно ядро; отношение количества орудий к численности неретушированных сколов и нуклеусов; соотношение ядро, с одной стороны, и орудий и неретушированных сколов – с другой [Там же]. В результате были выявлены определенные различия в активности древнего человека на разных этапах заселения стоянки. Материалы слоя 5 демонстрируют наименее интенсивную деятельность по производству орудий (на один нуклеус приходится 0,65 орудия) и высокую степень утилизации нуклеусов (на одно ядро приходится 12,8 сколов). Также здесь было обнаружено наименьшее количество отходов производства (49,7 %). Полученные результаты позволяют заключить, что данная площадка эксплуатировалась в качестве мастерской для первичного расщепления нуклеусов и изготовления сколов-заготовок без дальнейшего их преобразования в орудия. Материалы слоя 3 свидетельствуют о кратковременном разовом посещении раскопанного участка стоянки. Такой вывод сделан на основании малочисленности артефактов, исключительно высокой доли орудий (на один нуклеус приходится 11 орудий), малого количества сколов-заготовок (на одно орудие приходится 3,9 сколов) и непропорционального соотношения нуклеусов и сколов в сравнении с таковым ядро и орудий (на один нуклеус приходится 53 скола). Таким образом, расщепление проводилось не на раскопанной площади слоя 3, а на другом участке стоянки либо вообще в другом месте, и сколы были принесены на стоянку Додекатым-2, где основным видом деятельности было изготовление орудий (подправка), о чем свидетельствует и большая доля отходов производства (78,6 %).

Комплексы слоев 2 и 4 в большой степени сходны между собой и демонстрируют полный цикл производства каменных орудий. На один нуклеус здесь приходится 3,1 (слой 4) и 3,6 (слой 2) орудия, а на одно орудие – соответственно 4,3 и 5,6 сколов-заготовок. Показатели интенсивности утилизации ядро высокие (на один нуклеус приходится 15,7 и 23,25 сколов соответственно). Принимая во внимание сравнитель-

ную многочисленность данных комплексов, большую долю отходов производства, интенсивную утилизацию нуклеусов, средние показатели по сколам-заготовкам, значительный удельный вес орудий, можно сделать вывод, что в эти периоды функционирования стоянки она могла использоваться как базовый лагерь, относительно удаленный от источников каменного сырья. Доминирование в орудийном наборе изделий, отнесенных к микроинвентарю (прежде всего треугольные микролиты и пластинки с притупленным краем, служившие вкладышами пазовых орудий), позволяет предположить преобладание специализированной добывающей деятельности (сезонная охота?), а наличие еще и обрабатывающих орудий (скребки, резцы, проколки), видимо, указывает на то, что мы имеем дело с долговременным охотничим лагерем.

Абсолютные даты памятника

На настоящее время имеются три абсолютные даты для нижней части слоя 4, полученные радиоуглеродным методом (AMS) в лаборатории NSF Аризонского университета (г. Тусон, США). Два образца показали очень близкий возраст: $23\,800 \pm 190$ (AA-69073, датируемый материал – уголь) и $23\,600 \pm 330$ (AA-69075, датируемый материал – кость) лет. Третья дата (по углю) более поздняя – $21\,850 \pm 180$ л.н. (AA-69074). Два образца, отобранные из слоя 2, показали финально-средневековый возраст: 431 ± 33 (AA-69071) и 433 ± 36 (AA-69072) лет, что обусловлено наличием многочисленных биотурбаций верхней части отложений памятника.

Обсуждение результатов

В целом для первичного расщепления на стоянке Додекатым-2 характерно преобладание подпризма-

тического и торцового скальвания, нацеленного преимущественно на получение мелких пластинок, использовавшихся в дальнейшем в качестве вкладышей для составных орудий. Призматический принцип расщепления эволюционирует от доминирования кареноидных нуклеусов для получения пластинок с изогнутым и пропеллерообразным профилем в нижнем слое 5 к превалированию в вышележащих слоях одноплощадочных нуклеусов для снятия пластинчатых заготовок с прямым профилем. Анализ профилей самих пластинчатых сколов подтверждает данное наблюдение: в 5-м слое наибольшее количество сколов с непрямым профилем (77 %), в 4-м их доля снижается (66 %), а в 3-м преобладают изделия с прямым профилем (55,9 %). В слое 2 они составляют 49 % (рис. 6).

Индустрия стоянки Додекатым-2 имеет явный мелкопластинчатый характер. Доля пластинчатых сколов незначительно увеличивается от слоя 5 (49,4 %) к слою 2 (61,35 %), причем за счет возрастания роли пластинок. Большинство неретушированных пластинчатых сколов (учитывая только целые) имеет длину от 10 до 30 мм, ширину от 5 до 13 мм при доминировании изделий шириной 7–9 мм (рис. 7).

Анализ метрических характеристик пластинчатых сколов и негативов снятых на нуклеусах показал, что для получения микропластинок, пластинок и пластин не использовались специальные, зависящие от типа желаемой заготовки, приемы расщепления либо нуклеусы определенного типа. С одним и тех же ядрищ снимали заготовки с параметрами микропластинок, пластинок и пластин. Единственный специализированный тип нуклеусов – кареноидные, предназначенные исключительно для производства мелких пластинок. В частности, именно со значительным преобладанием таких ядрищ связано доминирование в слое 5 мелких пластинчатых заготовок шириной от 3 до 6 мм (рис. 7).

Основной заготовкой орудий выступали пластинчатые сколы, доля которых варьирует от 62 % в слое 4 до 87 % в слое 2 (рис. 8). Это отражает явную направленность индустрии на микролитизацию, поскольку значительное возрастание удельного веса пластинчатых сколов среди заготовок орудий напрямую связано с увеличением количества микроизделий (треугольные микролиты, пластинки с притупленным краем, пластинки с ретушью) (рис. 9).

Основным приемом вторичной обработки было ретуширование. Ретушь преимущественно дорсальная, крутая и полукрутая, постоянная, сильно- и среднемодифицирующая, образующая волнистый рабочий край, чешуйчатая и субпараллельная по форме фасеток. Центральная достаточно редка, ее показатель не превышает 10 %. Прослеживаются некоторые предпочтения в технике вторичной обработ-

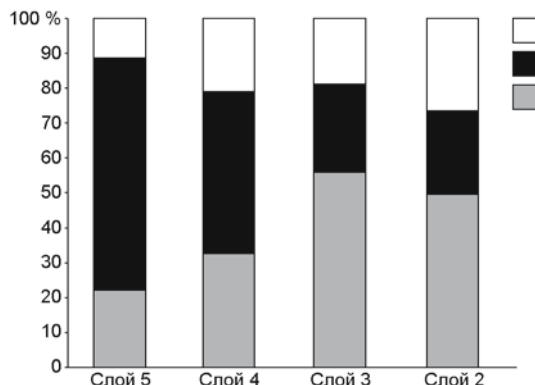

Рис. 6. Соотношение пластинчатых сколов с разным профилем.

а – закрученный; б – изогнутый; в – прямой.

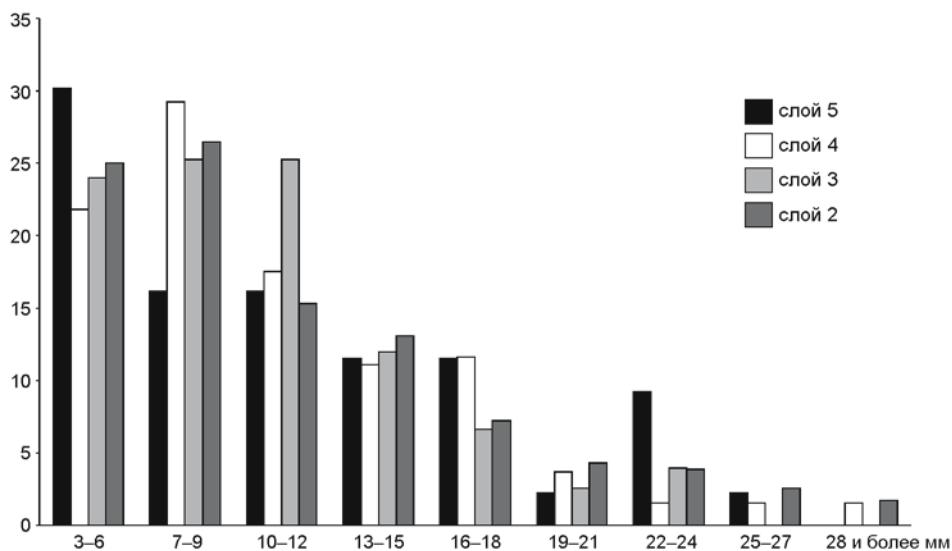

Рис. 7. Распределение пластинчатых сколов по слоям в зависимости от ширины.

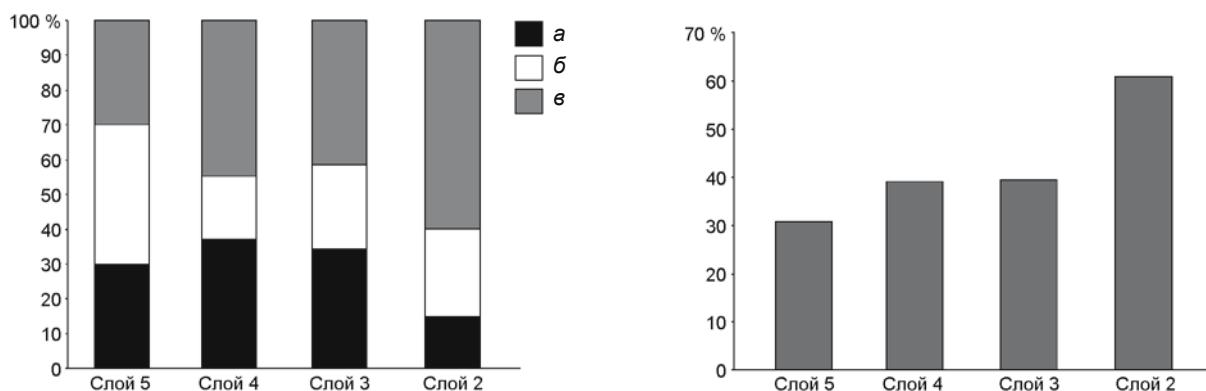

Рис. 8. Соотношение типов заготовок орудий.
а – отщепы; б – пластины; в – пластинки.

Рис. 9. Доли микроинвентаря в орудийных наборах.

ки для определенных видов орудий. Так, для треугольных микролитов и пластиночек с притупленным краем свойственно преимущественное притупление правого продольного края (более чем в 85 % случаев). Вторым по значимости приемом является тронкирование сколов, часто применявшиеся при изготовлении шиповидных изделий и пластиин с ретушью. Для треугольных микролитов характерна также метрическая стандартизация: подавляющее большинство целых изделий имеет длину от 10 до 14 мм и ширину 4–5 мм (рис. 10).

О культурном родстве индустрий выделенных археологических слоев говорит и устойчивое присутствие специфиче-

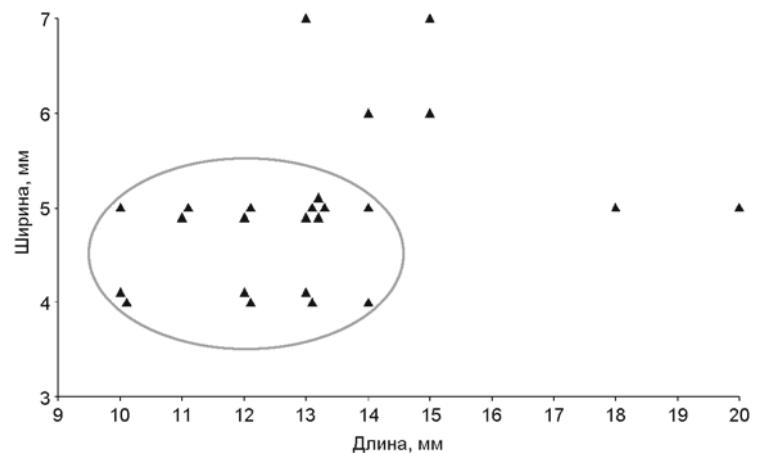

Рис. 10. Распределение целых треугольных микролитов в зависимости от длины и ширины заготовки.

ских типов орудий. Во всех коллекциях есть пластинки с притупленным краем. Треугольные микролиты появляются в слое 4 и достигают максимального количества в слое 2. Устойчив основной тип комбинированных орудий (скребла-долота), встречающихся в слоях 4, 3. В этих же комплексах были выделены достаточно редкие изделия – пластинки с подтеской основания.

Обращает на себя внимание то, что начиная с самого нижнего слоя микропластинчатая индустрия предстает в полностью сложившемся виде. Технология получения заготовок, приемы вторичной отделки и морфология основных категорий орудийного набора в значительной степени стандартизированы, существенных эволюционных скачков не прослеживается, за исключением большого увеличения количества треугольных микролитов в слое 2, что, на наш взгляд, объясняется планиграфическими (функциональными?), а не культурно-эволюционными факторами. Учитывая результаты проведенного технико-типологического анализа, индустрии всех слоев памятника можно отнести к одной культурной традиции, носители которой присутствовали на изучаемой территории ок. 23–21 тыс. л.н. (некалиброванная дата).

Наиболее близкие аналогии додекатымской индустрии прослеживаются в археологических материалах верхних слоев стоянки Кульбулак (Ташкентская обл., Узбекистан), открытой и интенсивно изучавшейся в 60–80-х гг. XX в. [Касымов, 1990]. В 2007 г. полевые исследования памятника возобновлены [Деревянко и др., 2007]. Первичное расщепление верхнепалеолитической индустрии стоянки Кульбулак было ориентировано на производство мелких пластинок с призматических и торцовых ядрищ, а также микропластин с кареноидных нуклеусов. В орудийном наборе доминируют пластинки и микропластины с ретушью, долотовидные орудия и концевые скребки, включая микроформы. Очень интересно обнаружение абсолютно аналогичных изделий на стоянках Додекатым-2 и Кульбулак. Так, додекатымские узкофронтальные кареноидные нуклеусы из слоя 5 (см. рис. 2, 5, 8) полностью соответствуют кульбулакским из слоя 2 [Колобова и др., 2009]. Кроме того, в индустриях обоих памятников присутствуют типологически идентичные специфичные виды орудий: ортогональные двулезвийные долотовидные изделия, в т.ч. экзотического типа (см. рис. 3, 15); концевые микроскребки (см. рис. 3, 12), микродолотовидные орудия и вентральные боковые скребки. Пластинки с ретушью со стоянки Кульбулак аналогичны обработанным пластинчатым заготовкам из нижних слоев местонахождения Додекатым-2 и также использовались в качестве вкладышей составных орудий. В обеих индустриях есть пластинки с притупленным краем. Наибольший интерес пред-

ставляет обнаружение в верхнем слое Кульбулака треугольного микролита, по технике изготовления и морфологии абсолютно идентичного геометрическим микроорудиям со стоянки Додекатым-2. Еще один треугольный микролит был выявлен нами в неопубликованных материалах раскопок Т.Ю. Гречкиной кульбулакских верхнепалеолитических слоев. С учетом такого количества аналогов отнесение верхнепалеолитических индустрий стоянок Кульбулак и Додекатым-2 к единой культурной общности выглядит обоснованным. При этом, несмотря на отсутствие на настоящий момент результатов абсолютного датирования верхнепалеолитических слоев Кульбулака, можно предположить, что они древнее додекатымских. В пользу такого предположения, в частности, говорит практически полное отсутствие в кульбулакской индустрии отжимной техники расщепления и ретуширования камня, в то время как на стоянке Додекатым-2 она представлена. Кроме того, микроинвентарь в комплексе Кульбулака занимает менее значимое место, чем в додекатымском; например, в нем имеется лишь несколько пластинок с притупленным краем, а на стоянке Додекатым-2 это один из ведущих типов орудийного набора, отличающийся морфологической стандартизацией. Также следует обратить внимание и на то, что наибольшее сходство с индустрией Кульбулака обнаруживает додекатымский комплекс нижнего слоя 5, содержащий узко- и широкофронтальные кареноидные нуклеусы. В вышележащих слоях стоянки Додекатым-2 прослеживается отказ от таких нуклеусов и переход к использованию одноплощадочных призматических ядрищ, позволявших получать заготовки с прямым профилем.

К еще более раннему этапу становления культурной традиции, представленной в развитом виде на стоянке Додекатым-2, вероятно, можно отнести материалы, полученные в 2008 г. при раскопках нового памятника-мастерской Кызыл-Алма-2, расположенного на выходах кремневого сырья в непосредственной близости от Кульбулака [Колобова и др., 2010]. Каменные артефакты, обнаруженные в значительно потревоженном склоновыми процессами стратиграфическом контексте, имеют ранне-верхнепалеолитический облик. При доминировании технологии скальвания среднеразмерных пластин с подпризматических и плоскостных нуклеусов прослеживаются и стратегии получения мелких пластинок с торцовых ядрищ, близких таковым в верхнепалеолитической индустрии стоянки Кульбулак. В немногочисленном орудийном наборе преобладают концевые и боковые скребки. Основываясь на предварительных данных по индустрии памятника Кызыл-Алма-2, следует обратить внимание на использование в ней технологических решений

(комбинаторные торцово-плоскостные нуклеусы и ядрища резцового типа скальвания), характерных и для индустрии грота Оби-Рахмат, являющейся на настоящий момент в изучаемом регионе единственным претендентом на роль «переходной» (от среднего к верхнему палеолиту).

Что касается сопоставления материалов Додекатыма-2 с наиболее полно (для территории Узбекистана) исследованными и опубликованными археологическими комплексами Самаркандинской стоянки [Джуракулов, 1987; Коробкова, Джуракулов, 2000], то можно также отметить ряд аналогов среди типологически выраженных изделий. В первую очередь это касается каренойидных нуклеусов-скребков для производства мелких пластинок, пирамидальных ядрищ и концевых скребков на мелких сколах. В то же время наличие в материалах Самаркандинской стоянки значительного числа архаичных макроорудий (являющихся, по мнению многих исследователей, специфической чертой верхнего палеолита Средней Азии) при отсутствии развитого микроинвентаря заставляет осторожно подходить к включению указанных памятников в единую культурную общность. Однако необходимо отметить, что и присутствие архаичных рубящих орудий в развитой верхнепалеолитической индустрии, и отсутствие микропластинчатых продуктов расщепления (при наличии нуклеусов для их производства) на Самаркандинской стоянке могут быть объяснены как до сих пор вызывающим вопросы стратиграфическим контекстом культуроммещающих отложений памятника, так и применением при его раскопках методологических подходов, отличных от использующихся в настоящее время.

В поисках более широких (географически) аналогий обратимся к индустриям финальнoverхнепалеолитической зарзийской культуры в горах Загроса на территории Ирака, прежде всего к наиболее показательным комплексам стоянок Варваши, Шанидар, Зарзи и Палегвара [Olszewski, 1993; Wahida, 1999]. Первичное расщепление в этих индустриях основано на использовании одноплощадочных призматических нуклеусов для получения пластинок, также отмечается и заметное присутствие широкофронтальных каренойидных ядрищ. В орудийном наборе доминирует микроинвентарь, включающий неравносторонние треугольники (изделия, морфологически близкие додекатымским треугольным микролитам), пластинки с притупленным краем, пластинки с ретушью. Присутствуют угловые резцы, концевые скребки, зубчатые и выемчатые изделия. Исходя из косвенных данных (абсолютные даты отсутствуют), исследователи датируют зарзийскую культуру в широких хронологических рамках от 20 до 12 тыс. л.н. Причем на финальных этапах в этой индустрии появляются новые виды микролитов – трапеции и сег-

менты. Близкие зарзийским финальнoverхнепалеолитические комплексы отмечены и на территории Леванта. Речь идет прежде всего о стоянке Охало-2, материалы которой интерпретируются исследователями как переходные от верхнего палеолита к эпипалеолиту. Первичное расщепление на стоянке было направлено на получение пластинок с одноплощадочными призматическими нуклеусами, названных торцовыми, пирамидальными ядрищами, отмечено присутствие изделий «рабо». Последние схожи с кульбулакскими и додекатымскими каренойидными нуклеусами. Пирамидальные ядрища также находят аналогии в материалах Додекатыма-2 и Самаркандинской стоянки. В орудийном наборе с памятника Охало-2 доминируют микроизделия: пластинки с притупленным краем, с ретушью и с ретушью «очтата», остроконечные пластинки с ретушью, пластинки дюфур и неравносторонние треугольники. Кроме того, широко распространены пластинки с ретушью, резцы, зубчатые орудия, проколки. Отмечено присутствие бифасиальных изделий. По результатам интенсивного радиоуглеродного датирования памятника (45 дат, полученных в четырех различных лабораториях), его возраст 19 500 лет (калиброванные даты в диапазоне 23 500–22 500 л.н.) [Nadel et al., 2006]. На территории Леванта подобные индустрии были обнаружены также на памятниках Эйн Гев I, Фазаэль IIIA, IIIB и X [Nadel, 2003]. Бессспорно, говорить о прямых культурных связях в интересующий нас период верхнепалеолитической эпохи между Левантом и Загросом, с одной стороны, и Средней Азией – с другой, учитывая географическую удаленность регионов и различную степень изученности, достаточно затруднительно. Тем не менее значительное технико-типологическое сходство хронологически близких индустрий этих регионов может свидетельствовать, на наш взгляд, если не о явлениях культурной диффузии (прямой или опосредованной), то, как минимум, о схожих траекториях развития, причины конвергентности которых еще предстоит установить.

Немаловажное значение имеют результаты исследования стоянки Додекатым-2 и для изучения истории последующего этапа каменного века на территории Средней Азии – эпохи мезолита, и в частности обиширской культуры. Опубликованные материалы мезолитических памятников Ферганской долины [Исламов, 1980] позволяют говорить о их генетической связи с индустрией стоянки Додекатым-2. Поскольку на настоящий момент полностью отсутствуют точные хронологические определения исследованных в конце XX в. мезолитических памятников, а ряд комплексов отнесен именно к этому периоду каменного века на основании наличия микропластинчатого расщепления и орудий-микролитов, обнаружение на стоянке Додекатым-2 развитого

производства геометрических микролитов требует переоценки имеющихся данных по мезолиту региона, предпочтительно с проведением работ по точному датированию изученных памятников. Не исключено, что подобные исследования приведут к у древнению микролитической традиции в регионе и заставят изменить культурно-периодизационную интерпретацию некоторых объектов. Это, в свою очередь, позволит более обоснованно говорить о локальном генезисе мезолитических культур на базе верхнепалеолитической додекатымской облика.

Заключение

Исследование стоянки Додекатым-2 в контексте изучения других палеолитических памятников региона (грот Оби-Рахмат, стоянки Кульбулак и Кызыл-Алма-2) позволяет сделать вывод о том, что высказывавшаяся ранее гипотеза о депопуляции региона в интервале 40–20 тыс. л.н. требует уточнения. По всей видимости, несмотря на повышенную аридизацию климата в финале верхнего неоплейстоцена, древний человек не покинул Среднеазиатский регион, а изменил адаптационные стратегии освоения ландшафта. Использование естественных убежищ (гrotы и пещеры), расположенных в среднегорном поясе, сменилось предпочтением открытых пространств предгорной зоны и межгорных котловин, в которых сохранялись постоянные водные потоки (Самаркандская стоянка, Додекатым-2) и/или восходящие источники предгорного коллекторного типа (Кульбулак, Кызыл-Алма-2). Возможно, в новых экологических условиях древний человек был вынужден радикально изменить и охотничьи стратегии. Необходимость охоты на более мелкую и мобильную дичь, вероятно, потребовала использования более легкого и/или дистанционного оружия. Это и привело к переориентации каменно-го производства на получение мелких пластинок и микролитизации орудий, что наблюдается на стоянке Додекатым-2.

Результаты изучения памятника Додекатым-2 в совокупности с характеристикой индустрий стоянок Кульбулак, Кызыл-Алма-2 [Колобова и др., 2009, 2010], а также предварительными данными по комплексу Шугнуо [Ранов, 1973] дают основания для переоценки тенденций развития верхнего палеолита на территории Средней Азии. Материалы этих памятников свидетельствуют о мелкопластинчатом характере верхнепалеолитических индустрий региона. Проиллюстрированные технологические и типологические связи между группой комплексов верхнего палеолита позволяют говорить о выделении новой мелкопластинчатой культуры на территории Средней Азии.

Благодарности

Рисунки каменных артефактов выполнены ведущими художниками ИАЭТ СО РАН А.В. Абдульмановой и Н.В. Вавилиной. Абсолютные даты памятника Додекатым-2 определены в лаборатории NSF Аризонского университета (г. Тусон, США) при активном содействии П.Дж. Ринна и Т. Джала. Детальная характеристика геологической, геоморфологической и стратиграфической ситуации стоянки и окружающей территории стала возможной благодаря сотрудничеству с д-ром геол.-мин. наук И.С. Новиковым (Институт геологии СО РАН) и канд. геол.-мин. наук С.В. Лещинским (лаборатория микропалеонтологии Томского государственного университета). Авторы признательны своим коллегам из ИАЭТ СО РАН и ИА АН РУз за критику и плодотворные дискуссии во время полевых исследований и подготовки статьи.

Список литературы

- Абрамова З.А.** Палеолит Енисея: Афонтовская культура. – Новосибирск: Наука, 1979а. – 158 с.
- Абрамова З.А.** Палеолит Енисея: Кокоревская культура. – Новосибирск: Наука, 1979б. – 200 с.
- Абрамова З.А.** Поздний палеолит азиатской части СССР // Палеолит СССР. – М.: Наука, 1984. – С. 302–346.
- Акимова Е.В., Стасюк И.В., Мотузко А.Н.** К проблеме изучения «мелкопластинчатых индустрий» в палеолите Средней Сибири // Социогенез в Северной Азии. – Иркутск: Межрегион. ин-т обществ. наук, 2005. – Ч. 1. – С. 15–20.
- Деревянко А.П., Колобова К.А., Фляс Д., Исламов У.И., Ков Н., Коун Д., Звинц И., Павленок К.К., Мамиров Т.Б., Крахмаль К.А., Мухтаров Г.А.** Возобновление археологических работ на многослойной стоянке Кульбулак // Проблемы археологии, этнографии и антропологии Сибири и сопредельных территорий. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2007. – Т. 13, ч. 1. – С. 131–246.
- Джуракулов М.Д.** Самаркандская стоянка и проблемы верхнего палеолита в Средней Азии. – Ташкент: Фан, 1987. – 172 с.
- Исламов У.И.** Обиширская культура. – Ташкент: Фан, 1980. – 172 с.
- Касымов М.Р.** Проблемы палеолита Средней Азии и Южного Казахстана (по материалам многослойной палеолитической стоянки Кульбулак): автореф. дис. ... д-ра ист. наук. – Новосибирск, 1990. – 42 с.
- Колобова К.А., Павленок К.К., Фляс Д., Кривошапкин А.И.** Стоянка Кызыл-Алма-2 – новый памятник эпохи верхнего палеолита Западного Тянь-Шаня // Вестн. Новосиб. гос. ун-та. Сер. История, филология. – 2010. – Т. 9. – Вып. 5: Археология и этнография. – С. 111–123.
- Колобова К.А., Фляс Д., Исламов У.И., Кривошапкин А.И., Павленок К.К.** Первичное расщепление в верхнепалеолитической индустрии стоянки Кульбулак (Узбекистан) // Древнейшие миграции человека в Евразии: мат-лы Междунар. симп. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2009. – С. 114–140.
- Коробкова Г.Ф., Джуракулов М.Д.** Самаркандская стоянка как эталон верхнего палеолита Центральной Азии

(специфика техники расщепления и хозяйственно-производственной деятельности) // *Stratum plus.* – 2000. – № 1. – С. 85–162.

Кривошапкин А.И., Милютин К.И., Славинский В.С., Рыбин Е.П., Колобова К.А., Новиков И.С., Высоцкий Е.М., Мухаммадиев А.Г. Новые стоянки каменного века в бассейне реки Пальтау // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2005. – Т. 11, ч. 1. – С. 131–246.

Лисицын Н.Ф. Поздний палеолит Чулымо-Енисейского междуречья. – СПб.: Петербург. востоковедение, 2000. – 232 с.

Ранов В.А. Галечные орудия и их роль в палеолите Средней Азии // VII Междунар. конгр. доисториков иprotoисториков: докл. и сообщ. археологов СССР. – М.: Наука, 1966. – С. 3–5.

Ранов В.А. К проблеме выделения локальных культур в Средней Азии // Каменный век Средней Азии и Казахстана. – Ташкент: Фан, 1972. – С. 34–47.

Ранов В.А. Шугно – многослойная палеолитическая стоянка в верховьях реки Яхсу (раскопки 1969–1970 гг.) // Археологические работы в Таджикистане. – Душанбе: Дониш, 1973. – Вып. 10. – С. 23–33.

Ранов В.А., Каримова Г.Р. Каменный век Афгано-Таджикской депрессии. – Душанбе: Дониш, 2005. – 250 с.

Ранов В.А., Несмеянов С.А. Палеолит и стратиграфия антропогена Средней Азии. – Душанбе: Дониш, 1973. – 162 с.

Рыбин Е.П., Колобова К.А. Структура каменных индустрий и функциональные особенности палеолитических

памятников Горного Алтая // Переход от среднего к позднему палеолиту в Евразии: гипотезы и факты. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2005. – С. 380–395.

Davis R.S., Ranov V.A. Recent work on the Paleolithic of Central Asia // Evolutionary Anthropology. – 1999. – Vol. 8. – С. 186–193.

Leroi-Gourhan A. Dictionnaire de la préhistoire. – P.: Quadrigé/Presses Universitaires de France, 1997. – 1277 p.

Nadel D. The Ohalo II Flint Assemblage and the Beginning of the Epipalaeolithic in the Jordan Valley // More than meets the eye: Studies on Upper Paleolithic Diversity in the Near East. – Oxford: The Short Run Press, 2003. – P. 216–230.

Nadel D., Grinberg U., Boaretto E., Werker E. Wooden objects from Ohalo II (23,000 cal BP), Jordan Valley, Israel // J. of Human Evolution. – 2006. – N 50. – P. 644–662.

Olszewski D. The Zarzian Occupation at Warwasi Rockshelter, Iran by Deborah // The Paleolithic Prehistory of the Zagros-Taurus. – Philadelphia: The University Museum, University of Pennsylvania, 1993. – P. 207–236.

Vishnyatsky L. The Paleolithic of Central Asia // J. of World Prehistory. – 1999. – Vol. 13(1). – P. 69–122.

Wahida G. The Zarzian Industry of the Zagros Mountains // Dorothy Garrod and the Progress of the Paleolithic: Studies in the Prehistoric Archaeology of the Near East and Europe. – Oxford: Oxbow Books, 1999. – P. 181–208.

Материал поступил в редакцию 15.03.11 г.